

люди искусства

НА СТОРОНЕ ДОБРА

После одного из премьерных спектаклей «Фауста» в Центральном детском театре гости из ГДР попросили представить их молодому человеку, сыгравшему Мефистофеля. Роль эту играл народный артист РСФСР М. Андросов. В прошлом году Михаил Трофимович отметил свое семидесятилетие. Нынешний отмеряет 50 лет работы в Центральном детском театре.

Было что-то от андерсеновских героев в мальчике, выросшем в Сибири среди сугробов в рост, курпатов под окнами, приходящих к самому человеческому жилью волков... В 16 лет мальчик по поддельным документам (возраст иначе не позволял) поступил в драматический техникум при БДТ. А потом, утопая в кресле в позолоченно-лепном зале Александринки, восторженно следил за репетициями Мейерхольда, возобновлявшего «Маскарад». Поздно вечером гас театральный свет, и бархат и позолота сменялись сырым, душным подвалом, служившим ученику домом.

С 1937 года и по сегодняшний день Михаил Трофимович делит радости и невзгоды вместе с Центральным детским театром. Андросова приглашали режиссеры самых различных направлений: Таиров, Сушкевич, Хмелев. Однако судьбу свою актер нашел именно здесь, в театре на площади Свердлова. Потому что для него не существовало деления на детские и взрослые спектакли, на плохие и хорошие роли. Оттого, может быть, Андросов никогда не испыты-

тывал актерского голода, его не тянуло в другой театр. Да и аудитория детская, по словам Михаила Трофимовича, самая чуткая и эмоциональная. В ней нет настороженности взрослых. Менее угнетенные повседневными заботами, юные сердца жаждут чуда и благодарны, когда оно, это чудо, на сцене свершается.

Шут Гороховый в сказках Пушкина, великолепный Петух в сказках Маршак, Ромашов в «Двух капитанах», любимый Кресало из «Воляничка из Страколиц», музыкант Циммер в «Предсказании Эгля» (по «Алым парусам» Александра Грина), Жильнорман в «Отверженных», наконец, Мефистофель в последней постановке немецкого режиссера Иохима Зибеншу гетевского «Фауста» (первый вариант). Много работ у

актера и помимо перечисленных. Невозможно представить только одно: Андросова в роли никчемного, мелочного человека. Темперамент, страстность — основное свойство всех его героев.

Андросов появляется на сцене во второй вечер представления «Отверженных» Гюго в качестве деда Мариуса. Жильнорман скорее юноша 92 лет от роду, нежели старик. Есть что-то горделиво — вызывающее в его утонченном профиле, стремительных движениях. Кем только не являлся Андросов за этот вечер: создателем афоризмов, остроумием в вопросах политики, покинутым дедом, любимым господином, галантным кавалером. Он ухитрялся высказывать идеи, противоположные взглядам Мариуса, даже когда во всем потакал горячо, отчаянно любимому внуку. Ведь седовласый дедик привык только побеждать.

Но вот что странно: этот человек, придерживающийся взглядов откровенно реакционных, монархист по убеждениям, по ходу спектакля становится для зрителей все более притягательным и интересным, а внук его, все знающий про «равенство и братство» и даже сражавшийся на баррикадах, выказывает свою поверхностность и фальшивость. И понимаешь: настоящее — это любовь деда, его готовность ждать, его достоинство и честь. За язвительностью и кажущейся светской легкостью скрываются великодушие и преданность.

Спектакль стремится к финалу. Неподвижно сидит Жан Вальжан, глядя на куклу Козетты. Запыхавшись, бегом, хотя и не в силах бежать, с развешаю-

щимися кудрями и протянутыми вперед руками в белой оборке манжет возникает из темноты господин Жильнорман. Нет и следа от его аристократических манер. Пытаясь вселить в Жана Вальжана уверенность, что дети — Козетта и Мариус — придут, он сам не верит собственным словам. В этой полной трагизма сцене страдание, чувство обманутой, отвергнутой любви к детям объединяют роаялиста и беглого каторжника. Андросов обладает даром наделять своих героев огромным обаянием, идущим от сильного характера. Но больше всего созданные им образы поражают своим пластическим изяществом. Кажется, будто для актера нет невозможного: цирковые трюки, танец, песня, приемы кукловождения, пантомима — все ему доступно.

Грустный спектакль идет на подмостках ЦДТ — «Антон и другие». О том, как восторг «взахлеб» сменяется у молодых людей разочарованностью при первых же столкновениях с прозой жизни. М. Андросов играет здесь пластический этюд. Без единого слова. Его персонаж — своего рода символ увядающей души каждого из героев. Тема перехода от юности к старости, от одухотворенности к обыденности традиционна для пантомимы. Ряд изменяющихся портретов одного человека — и неизбежно возникнет ощущение быстротекущего, уносящего праздника бытия времени.

Актеру это удается. В бурном беге через всю сцену увлекает за собой персонаж Андросова вереницу беззаботных, веселых выпускников. Раз от разу это маскарадное кружение все более теряет энергию и ритм. А когда

в конце спектакля в который уж раз размечтается главный герой о переменах в своей жизни, оборвет его грезы появление старика. Одежда болтается на нем, как на вешалке, руки висят, как плети, походка неровная, будто человек все время теряет равновесие. Идущего издалека давно мучает жажда. Тяжело склоняется старик над несуществующим родником, черпает пригоршнями и не может напиться. Безразличный, словно оглохший — уходит. И стало ясно: все мечтания Антона — пустые слова, картонный домик.

Мефистофель М. Андросова как бы лишен внутренней силы. Он только прощупывает на прочность человеческую душу. Потому и не может совратить человека с пути истинного, если в этом человеке все лишь свет и доброта, как в Гретхен. Но уж коли обнаружится червоточина в душе человека, этот Мефистофель сделает все, чтобы разложить, растлить душу, принести гибель и самому человеку, и окружающим.

Мефистофель Андросова — двойник Фауста, его обратная сторона. Потому так неотразимы аргументы дьявола, что они ведь те же Фаустовы аргументы в пользу зла.

...Михаил Трофимович помнит, как в актерском доме, где он жил по соседству с Качаловым, в праздники распахивались двери квартир. Можно было войти в любую: везде вас встречали с радостью. Таким же щедрым хозяином предстает артист перед нами на подмостках Центрального детского театра.

Е. МАКОВСКАЯ.

29 MAR 1987

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
г. Москва